

МАКСИМ СЕНЬКИН

ГДЕ РОЖДАЮТСЯ ЧУДОВИЩА

16+

Максим Сенькин

Где рождаются чудовища

«Автор»

2019

Сенькин М.

Где рождаются чудовища / М. Сенькин — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-10148-7

Чудовища остаются рядом, даже когда мы открываем глаза после ночного кошмара. Про них есть истории. Как чудовище охраняло проклятый клад от расхитителей. Как чудовище встало в одну очередь с обывателями или как приняло облик целого моря. Как чудовище сидело у кровати девочки и пыталось забрать её душу. В каждом рассказе этого сборника есть чудовище. Из одних историй можно узнать, откуда они приходят в наш мир, из других — как живут изо дня в день вместе с нами. Но главное, вы узнаете, где рождаются чудовища.

ISBN 978-5-532-10148-7

© Сенькин М., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Человек, перед которым гасли фонари	5
Не в силах пошевелиться	19
Кости	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Максим Сенькин

Где рождаются чудовища

Человек, перед которым гасли фонари

Вблизи меня умирал любой свет, кроме солнца. Ночью тени следовали за мной и окутывали плотнее, чем других людей. Тьма играла и подбрасывала новые загадки искалеченному разуму, а Луна в это время подглядывала из-за облаков. Наверное, ей просто было интересно.

* * *

Человек дремал, прислонившись виском к холодному стеклу, и во сне видел кошмар. Он вздрогнул, отстраняясь от своего мутного отражения. Ему не хватало воздуха. Из рта шёл пар, хотя снаружи стояла летняя ночь. Автобус дёргался и скрипел, но всё же вёз человека домой.

Стоило надеяться, что домой. Человек всегда старался держать в памяти, где он живёт, потому что воспоминания легко терялись после освобождения от сна. Человек и сейчас едва увязывал последние события...

Вчера за ним пришли, его догнали. Даже думать об этом не хотелось.

Человек задрожал, зубы стучали друг об друга. Его истязал зверский холод. Дыхание превращалось в бледный пар. Он заметил рядом с собой движение и оглянулся. На запотевшем окне сами собой вырисовались две горизонтальные линии, похожие на тонкую прорезь.

Это означало, что погоня за ним продолжалась, и пропала разница между сном и явью. Человек попытался стереть линии, но ладонь прилипла к стеклу и провалилась сквозь него. Как в зыбучем песке, чем больше он боролся, тем сильнее увязал. Сон тянул его обратно...

В следующий миг кто-то дотронулся до его плеча. Человек вскрикнул и обнаружил себя скребущим ногтями по обычному автобусному окну, потёртому и исцарапанному. Угол занимала наклейка, призывающая уступать места старикам. На ней изображался абстрактный человек. Из его головы торчали подрисованные маркером кривые рога, а вместо трости он держал огромный бонг. Надпись внизу гласила: *«Сатане тоже нужен отдых»*.

– С вами всё в порядке? – донёсся голос. Обернувшись, человек увидел полное женское лицо с искусанными губами и спадающими кудрями рыжих волос. Внимательные глаза рассматривали его. – Кошмары мучают?

Человека передернуло. Он вспомнил недавний сон, в котором опоздал на последний автобус. Поздно вечером, как сейчас, лучше прокатиться с дьяволом на соседнем сидении, чем возвращаться домой пешком. Человек взглянул на проносящиеся мимо неисправные фонари и вечно сырые подворотни с исписанными граффити стенами, представляя, где и как мог окончиться его путь. Бесконечный город давал массу возможностей.

Автобус ехал по тёмным улицам, обгоняя редких прохожих. Дыхание человека выровнялось. Пар изо рта, конечно, не шёл, как и не было прорези в окне, как и не было много чего остального. Ему всё приснилось.

Тихий надрывный голос, в котором человек перестал узнавать собственный, ответил:

– Да, – и замолк. Девушка выдавила из себя улыбку.

– Это ответ на оба вопроса?

Человек уже забыл, о чём его спрашивали. Он отвернулся. Девушка вернулась на своё место. Он искоса проследил за ней и вздохнул, когда она закрыла глаза в полудрёме. Пусть не лезет в его дела.

Никому лучше не лезть.

Взгляд упал на собственное отражение. Горбящийся силуэт вытирал рукавом куртки пот со лба. На голове чёрный капюшон, за которым не видно лица. Надо быть очень больным, чтобы в это время года так тепло одеваться. Многие пассажиры в шортах и майках пялились на него, как на цирковую диловинку. Человек привык к таким взглядам. Благодаря своей обыденности эти люди могли восторгаться любым проявлением странного. Замени для них актёров театра душевнобольными, и они бы получили больше удовольствия, чем от самой чувственной игры. Безумие для людей – лучшее шоу.

Пассажиры смотрели на него таким взглядом, будто одновременно крутили пальцем у виска. Некоторые перешёптывались. Не дождавшись новых выходок, они потеряли к нему интерес.

К нему обычно никак не обращались, и сам он ни с кем не разговаривал, поэтому со временем забыл своё имя. Он рисовал и подписывал свои картины как «МОР». Может, это и правда было его имя или инициалы, а может, и нет. Он не пытался это узнать.

Мор достал из кармана тёмные очки и надел. Так он меньше видел в темноте. Падающие на лоб и глаза бесцветные волосы тоже помогали не замечать во мраке того, что могло примешаться.

Горбящийся силуэт в отражении стал едва различим. Это было к лучшему – не знать, как выглядишь. Сложись всё по-другому, он был бы сейчас молод и силен, переживал бы лучшие годы жизни. Но вместо крепкого тела он носил тощую, изношенную оболочку, вместо красивого лица – больную гримасу. Мышление стало инертным, а рассудок не выдержал того, на что Мора прокляла судьба.

Душа же давно сгнила.

* * *

С меня всю жизнь не сходили царапины. Я находил на теле следы, будто в меня втыкали иглу, и не помнил об этом. Я всегда был одинок, и некому было даже причинить мне вред. Но порезы продолжали появляться, и особенно много их становилось после кошмаров.

* * *

Мор отложил мастихин и уставился на подсыхающую картину, скрестив на груди руки. Ужасно. Каждый изъян бросался в глаза, будто его вывели нарочно. Мор взял кисть и стал наводить штрихи, он размазывал масло пальцем, перекрашивал фон, убирал грязь, но всё равно остался недоволен работой.

Он смешал краски в палитре и получил тот же оттенок, какой был у его малокровной кожи. В углу картины он вывел свою подпись: «МОР». Когда краска высохла, буквы посерели.

Через пару дней Мор продал картину. Полученных денег должно было хватить на несколько месяцев спокойной жизни. Никто не видел погрешностей в его работах, кроме него самого.

Покупатели находились сразу. Каждый раз Мор представлялся разными именами, в том числе иностранными, и женскими тоже, и вычурными, и ещё элегантными, нелепыми, знаменитыми. Ему нравилось выдумывать имена почти так же, как рисовать. И он заботился об анонимности. Только иногда он себе позволял сложить очередные инициалы как М. О. Р. Неясно, откуда в нём бралась эта противоречивая тяга заявить о себе.

Он всё время искал в сети новые места для продажи картин и не интересовался, кто именно их покупает. Он не нарисовал ничего, что посчитал бы достойным, но другие приходили в восторг. Слепые люди упускали из виду позорные ошибки и мечтали заполучить больше рисунков, но, получив деньги, Мор исчезал.

Он особенно старался избегать других художников и не откликался на их предложения вступить в любое из множества сообществ. Мор видел в их работах изыяны ещё хуже своих. Бездарные поделки – современный мир был обделён художниками. Если и жил где-то кто-то по-настоящему талантливый, то Мор о нём не знал. Сам он признавал лишь работы Доре, Гойи и особенно Фюзели. Последний знал о человеческом и нечеловеческом мире всё то же, что знал Мор. Об этом говорили сюжеты его картин. Фюзели наверняка тоже снились кошмары.

После продажи последней картины прошла неделя, и Мор создавал очертания новой: в сумерках елового леса огромное существо нависло над тремя людьми у костра. У него была конусообразная голова, белые глаза, как диски Луны, и вогнутые внутрь колени, как у насекомого. Существо пряталось за деревом, и один из путников его заметил. Пока двое других смеялись, он умер от ужаса. Мор пытался поймать этот момент, это выражение. Войти в последний миг жизни и вытащить его на холст. Он уже видел это в своей голове, а теперь пытался воссоздать.

Нарисовать жизнь, даже уходящую, сложнее, чем смерть. Энтропия давалась ему легко, а людям нравилось смотреть на её всевозможные проявления. Созерцать жуткое зрелище и покрываться мурашками от дрожи по всему телу. Безумцы готовы за это платить, и не только за картины.

Мор наклонился к холсту, представляя глаза человека, который умер от ужаса. Жаль, под рукой нет зеркала.

Раздался стук в дверь. За работой Мор не заметил, как наступила ночь, гостей в это время он не ждал.

Помедлив, он отложил палитру с кистью, встал с табуретки и краями ладоней, чтобы не запачкать холст, развернул мольберт к стене. Картину лучше никому не видеть. И чтобы она никого не видела.

– Кто там? – спросил Мор, войдя в прихожую. У его двери отсутствовал глазок.

Ответа не последовало, но у Мора возникло чувство, что стоит вернуться в комнату, раздастся новый стук, и всё повторится. Поэтому Мор один за другим отпер замки, размазывая краску с пальцев по металлическим щеколдам и цепочкам. Ручка тяжело поддалась, массивная дверь отъехала.

В подъезде горел тусклый свет, намного слабее, чем в его квартире. Мор покупал только самые мощные лампочки. Устанавливал лишние розетки в каждой новой квартире, куда переселялся, лишь бы уместить там побольше источников света. Даже под кроватью лежало несколько ручных фонарей. Лампочки работали целыми ночами и иногда днём, пока не перегорали, а случалось это регулярно. Он заменял их новыми. Пару раз случались пожары, из-за которых сгорали картины, вещи, но Мору было всё равно. Главное – это свет.

Не выходя за порог, Мор осмотрел оба лестничных пролёта. Никого.

– Кто здесь? – голос эхом разнёсся по ступенькам вниз и вверх. Мор босиком шагнул на холодный кафельный пол, почувствовал, как грязь прилипает к ступням. Тишина.

Протяжное гудение флуоресцентной лампы над ним оборвалось. Она потухла, оставив Мора беззащитным перед мраком.

Его спас свет из квартиры, протянувшийся до лестничной клетки. Слабая лампочка над ним снова зажглась и начала яростно рябеть, будто ругаясь, а затем с тихим щелчком перегорела. Свет опять погас.

К тому моменту Мор уже захлопнул и запер дверь. Он был готов к подвоху, но сердце всё равно больно билось в груди. Тьма почти его коснулась. К подобному нельзя привыкнуть.

Теперь стоило поскорее вернуться к полотну. Пережитый ужас его вдохновил, и предсмертный взгляд ясно представился в голове. Или правильнее сказать, вспомнился. Пора взять кисти и нарисовать его.

В дверь снова постучали.

Мора пробил пот. Он не двигался, пока испарина не начала застилать глаза. Он вытерся грязной рукой, малюя по лицу болотную палитру красок. К следующему стуку, более требовательному, Мор напоминал первобытного дикаря.

Из многолетнего опыта Мор знал, что его не оставят в покое. Поэтому снова пришлось отпирать замки. Словно в нетерпении, они поддавались легко и охотно, с предвкушением стука и звякая.

Не зная, к кому обращается, Мор спросил через дверь:

– Кто пришёл?

В решающий момент он передумал открывать, но рука против воли толкнула дверь, желая выпустить то, что ждало снаружи. Удар. Последний замок не дал ей отвориться. Мор второй рукой схватил непослушную первую, потянувшуюся к щеколде, но безуспешно. Борьба с одержимостью никогда не оканчивается победой. Он вырвался из собственной хватки.

Поворот, щелчок, нажим, толчок. От пота одежда промокла насквозь, и словно нарочно, чтобы добить его, в открывшийся дверной проём ворвался ветер. Мора точно схватили за горло. Ветер принадлежал совсем другому времени года, потому что подобная метель бесчинствует лишь в лютую зиму. В такую борются со смертью бродячие псы и бездомные люди. Мор задрожал, мучаясь от невыносимого холода.

– Ваша пицца!

Мора точно со всей силы ударили в живот. Ветер разбился о невидимую стену, выросшую за спиной гостя, и стих.

– О, простите, что отвлёл от зарядки. Подкрепитесь чудесной пепперони!

Это был низкий тучный человек со слишком громким голосом, и такой же рыжий, как его яркая униформа. Когда он дышал, то надувался, словно лягушка.

Под потолком гудела флуоресцентная лампочка, привлекавшая мух и комаров. Свет шёл без перебоев.

– Я не заказывал пиццу, – прохрипел Мор. Он откашлялся и сглотнул.

– Мне известно другое, – ответил гость, показывая листок. – Что вы всё заказывали и даже оплатили.

В мясистый бок курьера упиралась отдающая жаром коробка. Мор взял протянутую бумажку с именем и адресом.

– Меня не так зовут. Здесь написано, – Мор запнулся, – здесь написано Мара.

– А адрес? Адрес ваш?

Мор перечитал строчку. Это был адрес квартиры, где он нелегально жил последние полгода:

– Мой.

– Тогда никакой ошибки, – сказал курьер, помещая улыбку между толстыми щеками. – Тем более, мы вас знаем.

Мор потряс головой, словно пытался отогнать бредовое видение. Курьер демонстрировал неестественно белые зубы.

– Меня никто не знает. Я ничего не оплачивал, уходите.

Мор вдруг пошатнулся и схватился за ручку двери. Каждое сказанное слово будто высасывало из него силы. Голос стал слабым, почти шепчущим.

– Хорошо проводите время? – курьер подмигнул. – Съешьте пиццу, наполните желудок, иначе вас стошнит. Вы за всё заплатили карточкой.

– Нет карточки.

– Но вы наш лучший клиент, много лет заказываете у нас пиццу. И лично мы с вами виделись много раз.

Заплетающимся языком, точно на самом деле пьяный, Мор ответил:

– Вы все врётё, пытаетесь меня запугать.

Мор не чувствовал ног. Паркет в квартире стал холодным, как кафель в подъезде. Дрожь не получалось унять, Мор хотел окружить себя раскалёнными лампами и согреться от них, как от костра. Он сделал шаг, ноги тут же подкосились. Твёрдая рука курьера удержала его от падения.

– Боже, сколько вы выпили, дружище?

– Я не пью.

– Тогда что у вас в руках? – он засмеялся.

Мор опустил взгляд, куда показывал курьер. Собственная ладонь сжимала горлышко бутылки, которой секунду назад не существовало. Несколько пурпурных капель пролилось, во рту появился кислый привкус вина.

– Что...

– А, – прервал его курьер, – ничего страшного. По секрету скажу, что я бы сам пригубил, но, – он пожал плечами, – дела.

Его туша пересекла порог, мягко отнимая у Мора бутылку и ставя её на пол. Курьер поморщился.

– Как же много у вас света, – он выключил ближайшую лампу. – Так лучше... О, чудесная картина!

Мор обернулся. Из коридора он видел спальню и своё полотно. Мольберт больше не упирался в стену, а развернулся ровно к двери. На картине появились глаза, которые Мор не успел нарисовать.

– Она незакончена, – просипел Мор, пятясь к стене.

– Но в ней уже есть что-то прекрасное, – курьер отвёл взгляд и положил коробку с пиццей на столик. – Съешьте это, мистер. Очень вкусно.

Он приподнял двумя пальцами козырёк воображаемой кепки и шагнул за порог. Мор задержал взгляд на его толстой шее с рыжим пушком. Жировые складки раздвинулись, как жалюзи, и что-то выглянуло из них.

Мор закрыл глаза и быстро открыл. Он постарался принять увиденное за игру света.

Незванный гость вышел в подъезд и обернулся.

– Ах да, вы ведь не забыли про своего невидимого друга? Надеюсь, он не сожрёт вас этой ночью, – толстяк ждал реакции Мора, тот побледнел. Затянувшееся молчание оборвал смех. Курьер схватился за трясущийся живот. – Вы что, телевизор не смотрите? Это же шутка из одного сериала: там Сэм поспорил с Лили, а затем целую ночь... впрочем, долго объяснять. Хороших снов!

Курьер вышел и захлопнул дверь. Мор трясущимися руками запер замки. Это было нелегко: мышцы размякли, будто он целый день проносил тяжести. Мор включил потушенный толстяком светильник. Лампочка лопнула. Мор заменил её новой, но та не загорелась. Придётся покупать другой светильник, возможно, менять проводку.

Отдышавшись, он с опаской взял бутылку вина и пиццу, отнёс их в спальню. От коробки исходил жар. Усевшись напротив палящих глаз мертвеца с собственной картины, Мор открыл коробку.

Внутри лежала только записка.

Мору казалось, его стирают из реальности. Сознание вылетело из тела и кружилось, как спутник вокруг планеты. Мор прочитал записку и уронил на пол. После этого ему надо было проверить, реально ли хотя бы вино.

Он взял бутылку. Сквозь стеклышко он видел, как на дне что-то плещется. Судя по запаху, действительно вино. Мор наклонил горлышко к стакану с водой, в котором размачивал кисти.

Наружу полилось нечто чёрное и вязкое, комками падая в стакан. Мор отставил бутылку, но стакан продолжил наполняться сам, пока жидкость не перелилась через край. Чёрная лужа

поползла по столу и добралась до палитры, кисточек и остальных инструментов. Всё смешалось, и воцарился один цвет.

Жидкость из бутылки оказалась гуашью.

Мор перечитал записку. Первая фраза советовала: «Добавь побольше чёрного».

Ниже было кое-что ещё.

* * *

Я открыл мир, невидимый остальным. Он был настолько ужасен, насколько и захватывающий. Моё сердце замирало от страха, а волосы обесцветились, но любопытство всё равно удерживало меня там всё дольше и дольше. В любой момент я мог заглянуть туда, словно в калейдоскоп. Я всегда оставался незамеченным. Воображал себя шпионом. Или строил из себя Бога, не знаю. Думаю, тогда я был слишком мал, чтобы позволить гордыне такие сравнения. Только повзрослев, начинаешь думать, что можешь с Ним тягаться.

Однажды в том мире со мной встретились. Чей-то взгляд поймал меня, будто заранее знал, что я приду. Те глаза были белыми и пустыми, пронизательными и расчетливыми. Они показались мне красивыми, хоть источали беспощадный холод.

Конечно, я испугался, пытался вырваться, но всё было предрешиено. Ещё в тот момент, когда белые глаза увидели меня впервые, а я их не заметил. Возможно, они следили за мной с самого начала, как я пришёл. Только ребенок мог подумать, что сможет безнаказанно врываться в чужой мир.

А ведь это было так просто. Только ребенок бы и догадался, как туда войти.

* * *

Автобус ехал слишком долго. Мор боролся со сном, втыкая в подушечки пальцев иглу. Серый металл покраснел, одежда испачкалась. Хорошо, что на чёрном не так заметно.

– Куда направляетесь?

Мор вздрогнул от неожиданности. Снова эта девушка. Ее рыжие волосы пестрили даже сквозь тёмные очки, как цветной объект в чёрно-белом кино.

– Вас это не касается.

– Я же вижу, что вам плохо. Позвольте хотя бы угостить вас кофе, раз не хотите со мной общаться.

Мор отвернулся и сжал губы от боли. Он всадил иглу глубоко себе в ногу, вытащил её и спрятал в карман, кровь растворялась в одежде. Заметь кто-нибудь, чем он занимается, счёл бы душевнобольным.

По-прежнему не глядя на девушку, он сказал:

– Вам лучше держаться от меня подальше.

– Мне так не кажется. Просто вы устали, вот и ходите хмурый. Меня, кстати, зовут Лили. Мор повернулся.

– Как в том сериале, где ещё Сэм?

Девушка скорчила гримасу.

– Да. Не люблю этот сериал. Он противный.

– Я тоже не люблю, – ответил Мор. Ему подарили улыбку.

– Так что, кофе?

Он искал подвох. Взглянул на застывшее в детском ожидании лицо девушки и не заметил ничего подозрительного.

Мор пожал плечами.

– От одного глотка ещё никто не умирал.

– Отлично! – она хихикнула и хлопнула в ладони. В автобусе почти не осталось пассажиров, но те, что ещё были, покосились на неё. – Сейчас принесу термос, никуда не уходите.

Она пошла к оставленной сумочке. Пока Мор ждал, за окном мелькали вереницы деревьев. Автобус пересекал какой-то парк, больше напоминающий лес. Дорога тоже изменилась: стала шире и тянулась вдаль, лишившись поворотов. Машины больше не мчались навстречу и не обгоняли автобус. Кругом раскинулась глушь. О цивилизации напоминали только нависающие над дорогой фонари.

Может, такой длинный путь и к лучшему. После вчерашней ночи возвращаться домой не хотелось. После того, что произошло, когда ушёл курьер. Это был не сон и не видение. Мор не хотел признаваться себе, что это было.

Лучше прийти домой днём, собрать вещи и скорее переехать. С теми деньгами, что у него остались, будет легко снять новое жильё. Больше он никогда не откроет дверь доставщикам пиццы.

Мор обернулся узнать, почему девушки нет так долго, и не увидел её. Другие пассажиры исчезли вместе с ней. Мор вытащил спрятанную иглу и вонзил в ладонь. Боль доказала, что ему это не снится.

Автобус замедлил ход, съезжая с дороги. Непроглядная тьма за деревьями накрыла землю. Мор встал и подошёл к водительской кабине. Перед пустым сидением сам собой крутился руль.

До Мора всё-таки добрались. Его опять выследили.

Автобус остановился и, прежде чем затихнуть, громыхнул клаксоном. Мор открыл кабинку и проверил, нет ли где ключа зажигания.

Ни ключа, ни людей, ни вещей. Он остался один, зная, что свет в автобусе скоро погаснет.

Мор вернулся в салон, где его уже ждали. На всех сидениях появилось по паре тонких горизонтальных разрезов. Все их словно процарапали когтями. Прорези. Тот, кто это сделал, облокотился об спинку одного из сидений.

– Извини, кофе кончился, – сказала она. Лили улыбалась, обсасывая круглый леденец на палочке. Причмокнув, она вытащила его изо рта. Сквозь прозрачную карамельную стенку Мор разглядел сороконожку, та задвигалась, пробивая себе путь наружу, и вылупилась. Лили положила леденец обратно в рот и прожевала. Хруст и чавканье смешались в один отвратительный звук. Девушка засмеялась, забрасывая в глотку и палочку, которая превратилась в окровавленную иглу Мора. – Вместо кофе тебя ждёт кое-что получше. Оставайся с нами и помни о невидимом друге! Надеюсь, он не сожрёт тебя этой ночью.

Одна за другой начали перегорать лампы. Мор выбежал в открывшиеся двери. Споткнувшись, он упал на пыльную обочину, где его окружила тишина.

Листья не шелестели от ветра, в кустах не копошились зверьки, исчезли все звуки, кроме его прерывистого дыхания. Он подумал, что слышит, как дрожит его тень. Поднявшись, Мор не нашёл тёмных очков. Теперь он видел мир отчётливее и дальше.

Автобус умер, в салоне растёкся чёрный туман. Мор отошёл подальше. Он взглянул на шоссе перед собой, и ему не оставалось ничего, кроме как шагнуть к горизонту. Первый же фонарь на пути замигал и погас.

* * *

Я назвал вход в другой мир Прорезью. Открыл её во время сонного паралича. Это было в детстве, когда я ещё не знал, что у этого есть определение. Всё казалось просто страшным сном.

Во время приступов я видел вещи, которые не могли существовать на самом деле. Слышал голоса, доносящиеся из ниоткуда, но не мог даже пошевелиться. Однажды в таком состо-

янии я попытался закрыть глаза: сжал их до крошечной щели между веками и увидел другой мир. Я испугался, но то место меня спасло, так мне казалось.

Родители пытались объяснить, что со мной происходит. Говорили, что ничего страшного в этом нет, что это просто такое состояние, а мне всё действительно снится. Я не поверил. Как убедить ребенка в том, чего не до конца понимают даже взрослые?

Позже всё повторилось. И ещё раз, и ещё, снова. От кошмаров во сне я спасался, ныряя в другой мир через Прорезь, и вскоре научился пробираться туда, даже бодрствуя. Там было страшно, но это больше походило на сон, чем настоящие сны.

* * *

Сегодня он потревожит твой покой,
Придёт в дом, и ты услышишь вой.
Людские почки в миску свали до краёв,
Ты приглашён на трапезу, и не случайно.

Записка тонула на запачканном гуашью полу. Мор поднял взгляд и успел увернуться от летящей в него картины. Кто-то бросил её. Полотно со всплеском рухнуло в липкую лужу.

Следом стали гаснуть светильники: лампочки взрывались, будто кто-то разносил их битой. Осколки раскалённого стекла разлетались рядом с Мором. Температура в квартире резко упала.

Мор искал, где спрятаться, когда на горле сомкнулись чьи-то ледяные руки. Он схватился за них, пытаясь разжать хватку невидимых пальцев. Со стороны казалось, что он сам себя душит. От нехватки воздуха в глазах потемнело, тело обвисло, и он стал напоминать раскачивающегося висельника на эшафоте. Из всех смертей, которые для него могли выбрать, это была не самая худшая.

Мор почувствовал, как его куда-то тащат. Босые ноги волочились по полу, собирая осколки стекла, а затем его бросили на жёсткий матрас на полу, который заменял Мору кровать.

Ледяная хватка разомкнулась, и Мор с жадностью задышал. Тёмные круги перед глазами рассеялись, а потом сверкнула молния.

Нечто навалилось сверху и придавило грудь. Нечто небольшое, как мартышка, но очень тяжёлое. Жёсткая шерсть царапала кожу, пока Мор, задыхаясь от кашля, пытался перевернуться на бок. Лёгкие горели от боли, тело затряслось в судорогах. Оставалось немного до предела, когда муки стали бы невыносимыми, а его рассудок окончательно тронулся.

Мор лишился сознания. Провалился во тьму, где не было ни страха, ни боли, и никто не пытался его задушить. Ему редко счастливилось спать, не видя снов, проводить ночи в пустоте, куда никто не являлся.

К сожалению, забвение было коротким. Едва он очнулся, надежда, что всё происходящее могло быть сном, рухнула. Вместо режущего глаза света в комнате горело всего пара ламп. Их свет потускнел настолько, что ловил только кружащиеся тени. Приглядевшись, Мор понял, что это не тени. Бесы скалили на него злорадные ухмылки, и от их морд нельзя было отвернуться. Тело Мора сковал сонный паралич, мысли перемешались, а часть из них принадлежала не ему.

Всю жизнь ему говорили, что это всего лишь галлюцинации.

Вокруг него сужался хоровод и плясали кошмары, которые приходят к людям по ночам, чтобы напугать людей до смерти.

Снисходительно посмеивались.

Все они живут в Прорези. В мире-сне, где жизнь – это страх.

А затем назвали больным, потому что мальчик отличался от других, и никто не мог объяснить почему.

И пока солнце будет заходить за горизонт, а люди видеть сны, кошмары будут устраивать свои чудовищные вакханалии.

Мор перестал понимать, о чём думает. Остались только борьба с паникой и надежда пробудиться. Ведь всё это было на самом деле сном, но никто, кроме него, не знал, что сны так же реальны, как жизнь. Возможно, в жизни даже меньше правды, чем во сне. Кошмарные существа неистовствовали вокруг, доказывая свою реальность.

Послышался цокот копыт. От тяжелой поступи у Мора зазвенело в ушах, будто неведомый всадник решил проехаться по его мозгам. Каждый шаг превращал извилины в лёд, который крошился на осколки. Что-то неслось галопом из головы Мора наружу, *мчалось изнутри него*. Оно покидало насиженные владения, и Мор знал, что это существо трясёт злоба.

В комнату ворвался порывистый вихрь. Чудовищных размеров кобыла парила над кроватью Мора, бешено озираясь восковыми глазами. Она будто сошла с картин Генриха Фюзели и сияла, точно посыпанное пеплом серебро. Исходящий от неё бледный свет застыл в воздухе, но не освещал ничего.

Мор знал, что есть места, которые навсегда останутся тёмными, как старые склепы или останки затонувших кораблей. Тьма поселилась там, как теперь поселилась в квартире Мора. Больше здесь не загорится ни одна лампочка, а пламя свечей будет сдуваться отголосками бурана, который принесла за собой кобыла. Вокруг неё носилась метель, такая сильная, что стало нечем дышать. Кудрявая грива, словно вылепленная из снега, вздымалась и хлопала на ветру. Ветер подхватывал заливающихся смехом монстров и раскидывал по сторонам, но одно мохнатое существо размером с мартышку запрыгнуло на кобылу и обхватило её шею мохнатыми мускулистыми лапами.

Буран стих. Началась борьба. Лошадь заржала и встала на дыбы. Она отбивалась, пока чудовища толпой не повалили её. Время на секунду замерло, прежде чем исполинское тело рухнуло на Мора.

* * *

Со временем я лишился тяги и к сну, и к жизни, потому что всюду меня преследовали кошмары. Белые глаза больше никогда не показывались. Это были глаза непредставимого ужаса, и я радовался тому, что больше их не видел. До появления кобылы.

Теперь я знаю, что творилось со мной с самого детства и почему превратилось в катастрофу.

Ответ я получил на следующую ночь после погрома в моём доме.

* * *

Мор шёл посередине шоссе, держась подальше от обочин. За деревьями кто-то прятался, выдавая себя хрустом веток и шуршанием листьев. Их было много, и временами ветер доносил приглушённые смешки. Не трудно догадаться, над кем они потешались.

Темнота поглощала пройденный Мором путь. Каждый фонарь неизбежно гас: некоторые сами, другие ломали специально. Кошмары из темноты даже вырвали один фонарь вместе с куском бетона и утащили в лес. Позже Мор замечал, как из чащи приглашающе подмигивал огонёк. И даже это было не так мучительно, как смотреть на горизонт. Шоссе уходило вверх, и небо вдалеке будто бы краснело, готовясь к мнимому рассвету. Надежда, что это случится, иссякла после первых трёх часов ходьбы, за которые ничто не поменялось. Мор будто шёл по крошечной планете, не в силах догнать солнце.

– Зачем тебе день? Забавы хороши по ночам!

Мужской голос прозвучал так близко, что Мор от неожиданности рванул в сторону. Он оглянулся и не увидел ничего, кроме подкрадывающихся теней веток.

– Мара, зачем ты сгубила бедного человека? За столько лет тебе не стало его жаль?

– Где ты? – прорычал Мор, кружась на месте.

– Мы повсюду.

По лесу прокатился надрывистый хохот многотысячной толпы. Кажется, сам воздух завибрировал. Что-то крылатое пролетело над Мором, со скрежетом протаскивая по земле злополучный фонарный столб. Тот всё ещё мигал, несмотря на искорёженный металл и прилипшую грязь. Мор отпрянул, едва не сбитый с ног, и услышал рядом хлюпающие шаги, будто в чьи-то ботинки набралась вода.

– Здесь собрались все твои друзья, – сказал голос. – поприветствуешь их?

В нос ударил запах гнили и сырости, так пахнет разбухший от воды труп. Мор побежал, не оборачиваясь. Со всех сторон его преследовали смешки и топот.

– Мы потратили много времени на твои поиски.

– Что... – Мор задышался от бега. – Что я вам сделал?

– Брось, Мара, – в мужском голосе появилось недовольство. – Хватит прикрываться человеком. Выйди к нам сама. А он пусть молится, чтобы всё скорее закончилось.

– Человек тоже виноват, Сэм, – вмешался женский голос. – Это из-за него наша девочка сбежала.

– Нет, Лили. Она это и так планировала, человек послужил поводом. Его вина лишь в том, что он полез туда, куда не следовало.

Мор врезался в низкую тучную фигуру рыжего курьера. Огромные лапы схватили его, не дав упасть. Отовсюду доносились верещания, смех и галдёж неведомой толпы, слившиеся в единую какофонию. Кошмары не находили себе места от возбуждения, и лес ожил. Деревья шатались и падали, с них срывали плоды и бросали, рвали листья и грызли кору. Земля дрожала от прыжков бесчисленных пар ног, лап и копыт. Но когда курьер заговорил снова, Мор отчетливо его услышал.

– Вот, Мара, как мы поступим...

Из-за его спины вышла рыжая девушка из автобуса. Она сказала:

– Ты повела себя *очень* невоспитанно.

Они смотрели на Мора, но обращались явно не к нему. За последние сутки они принесли ему лишь беды. Доставщик пиццы отпустил Мора и похлопал мясистой рукой по плечу.

– Крепись, человек. В некоторых мирах не существует страданий, и скоро ты там окажешься.

– Не обнадёживай его, Самаэль.

– Итак, – сказал курьер, обращаясь уже не к Мору, – ты возвращаешься домой. Сейчас же. Спишем твоё поведение на переходный возраст. Во время последней драки ты показала силу, и вся орава осталась довольна.

По лесу пронёсся одобрительный клич.

– Не беги от самой себя, – сказала Лили. – Твоё место с семьёй.

– *НЕТ*.

Стук копыт расколол голову Мора пополам. За хвостом бледной лошади тянулся снегопад, который в один миг накрыл лес. Мор почувствовал её гнев, как собственный. Люди не могут так злиться: они загораются и затем постепенно тлеют, как фитиль. Гнев же кобылы был похож на медленную смерть в снегах, долгую и мучительную. Её гнев был как замороженная навеки жажда мести.

Мор поднялся над землёй, перестав понимать разницу между собой и подчинившим его существом. От себя он не ощущал ничего, кроме отчаяния.

* * *

Я понял, что был не один. Всё время с тех пор, как я забрался в Прорезь, во мне пряталось существо оттуда. Кошмары преследовали не меня, а её. Я не видел её белых глаз, потому что смотрел через них. Сквозь её лунные зрачки мне открывался другой мир. Все ужасные видения и сны, что я наблюдал, были её взглядом на жизнь.

* * *

Бар впитал запах пережаренных гренок и грибов. Это было старое место, куда приходили одни завсегдатаи. Новые лица не приживались, как и новое меню, и всякий следующий год люди пили то же пиво, и ели те же грибы и гренки, что и в предыдущем.

Двое мужчин сидели за одним из двух занятых столов и разговаривали.

– Вчера мне приснился тонущий башмак. Как думаешь, это что-нибудь значит? – спросил один у другого. Мужчина, задавший вопрос, напоминал акацию в пустыне: его худая фигура сгорбилась, а голову покрывала копна редящих волос.

– Что у тебя хреновая фантазия. Все сны только о ботинках, сапогах, туфлях... – проворчал второй.

– Ведь я обувщик. Я целый день только это и вижу.

– Ты и с баб обувь не снимаешь, когда в постель их кладёшь?

– Я говорю о другом. Сны – не просто воображаемые картинки.

– Верно. Иногда они порнографические, – второй мужчина рассмеялся и вытер пот со лба платком.

Знойный день близился к сумеркам, а солнце уходило за другую часть света.

– В нашем роду все мастерили обувь, это врождённый талант. А мой сын недавно ушёл во флот, сам.

– Так как связаны тонущий башмак и твой сын?

– Он ненавидит обувь, для него семейное дело – пытка, и флот стал поводом сбежать. И после сна я боюсь, что море скоро проглотит парня и выплюнет одну косточку. Там, где он сейчас, ему не место.

– М-да, я бы тоже сбежал от такого придурка, как ты.

Оба выпили.

– О, гляди, этот проснулся.

Мор огляделся, не понимая, где находится. Голова гудела, рот связал отвратительный привкус. Между воспоминанием об огромной лошади в его квартире и нынешним пробуждением чернела пропасть.

К нему обратился худой лысеющий человек:

– Ближайшая автобусная остановка – направо, как выйдешь из бара.

– Где я?

– А тебе правда хочется это знать? – усмехнулся второй мужчина.

Мор зажал рот ладонью. Его выворачивало наизнанку. Он справился с этим приступом, но предчувствовал: начнётся следующий.

– Хорошенько ты надрался, сынок, весь день тут лежишь.

– Куда ты хочешь добраться? Я могу подсказать маршрут.

Мору никуда не хотелось, но ему надо было забрать вещи из дома. Придётся туда вернуться. Он назвал адрес тощему мужчине. Тот вытащил из кармана телефон и забегал пальцами по экрану.

– Ты далеко от дома. Но есть прямой автобус, – и он назвал ему номер.

Мор кивнул и выбежал из бара. Снаружи он оставил на стене след из кусочков пищи.

Тело стонало от жары, а когда подул ветер, стало ломить от судорог. Его снова вырвало. Прохожие обходили его стороной. Мор отошёл в закоулок и присел на горячий асфальт.

Вдруг он улыбнулся. Впервые за невероятно долгое время. Раньше ему не приходилось сидеть на асфальте в подворотне возле бара и приходить в себя. Мор представил себя обычным человеком, который загулял на целую ночь и не жалел ни о чём на утро. Такое могло произойти, сложись жизнь иначе. Мор был счастлив, что поймал этот момент. Вся боль ушла, и следующие мгновения показались блаженством.

Он похлопал себя по карманам, не думая о том, когда вчера ночью оделся и как вообще здесь оказался. В куртке нашлось то же, что всегда было при нём: очки, немного денег, иглока.

Должно хватить, чтобы добраться до квартиры. Оттуда он возьмёт самое необходимое и уедет в другой город.

Мор встал и заковылял к остановке. Желудок бурлил, переполненный пищей, и не скоро проголодается. Хоть что-то хорошее. Мор взглянул на выглядывающее из-за низких зданий солнце и прибавил шаг. Нужно успеть на автобус.

* * *

Сейчас я сижу на крыше девятиэтажного дома, свесив ноги к собравшимся внизу котам. Они ловят куски мяса, которые я им бросаю. На небе сгустились облака, и моросит дождь, хотя горизонт сияет заревом. Сложно поверить, что ночь всё-таки закончится.

Я оставляю эти записи на крыше и положу сверху кирпич, чтобы их не унесло ветром. Листы промокнули, но текст должен сохраниться. Я надеюсь на это. Позволение записать свои последние мысли – её маленький подарок за годы, проведённые вместе. В остальном она равнодушна к тому, во что превратила мою жизнь. Я ненавижу её за это.

Только что я бросил котам последний кусок курятины, что был у меня дома. Мясо за сутки подгнило, потому что в квартире вырубил электричество. Да, меня всё-таки вернули домой. Мне позволили взять тетрадь и ручку. На их поиски ушло несколько минут, за которые я ооченел от холода. Интересно, а как на других этажах?

Ещё я с удивлением и удовольствием обнаружил свою картину целой. Она оказалась законченной, даже краска высохла.

Глаза то и дело закрываются. Я чуть не сорвался вниз. Мара торопит меня. Только сейчас, в последние минуты, маленький монстр спрашивает моё мнение. Я бы проклял её, не будь она сама проклятием. Сегодня я узнал от неё, что начал думать о самоубийстве ещё подростком, но она отлавливала эти мысли и стирала. Не хотела лишаться убежища, стены которого сама разрушала год от года.

Теперь она недовольна. Ей не нравится, когда её называют ребенком. Как и всем детям. Самоуверенный, злой ребенок, не желающий прислушиваться к старшим. Кто бы мог подумать, что бывают стереотипы, присущие всем мирам.

Кошмары, что мне снились, что меня преследовали, были её семьёй. Я попытался выяснить, почему она сбежала, но Мара не стала говорить. Она само зло, замкнувшееся в себе, и со временем ей предстояло править миром в Прорези. Возможно, как раз этого она не хотела.

Руки уже не слушаются. Маленькому чудовищу надоело ждать. Я всё равно закончу, потому что сейчас у неё нет сил. Её умирили на некоторое время.

Когда за ней пришли в первый раз в мой дом, она сбежала. Естественно, меня она забрала с собой. Вторая встреча с её родителями закончилась для неё наказанием. Беспомощный ребёнок теперь не может даже насыпать видения, хотя раньше делала это без усилий. Скоро я от неё освобожусь. Доставщик пиццы говорил, что мне воздастся в других мирах, но я ему не верю. Всё, чего мне хочется, – это покой.

Пора.

* * *

Женщина курила, облокотившись на подоконник. Она любовалась оранжевыми тучами там, где поднимался рассвет. Ветер сносил капли дождя ей на кожу, и по телу прошла приятная дрожь. Внизу копошились коты, не обращавшие внимания на погоду. Женщина потянулась вперёд, желая рассмотреть, что вызвало у них такой интерес.

Перед лицом что-то пронеслось. Послышался отвратительный треск и животный визг. Испуганные коты удрали, спрятавшись под днища машин, пока любопытство и запах не выманили их обратно.

Дождь усилился, покрывая рябью растущую красную лужу. Женщина часто дышала и крепко держалась за подоконник. Любопытство подстегнуло её взглянуть, что делалось внизу. Она увидела, как животные набросились на тело. Они вонзали в плоть клыки и рвали зубами. Крик женщины не испугал их, а добавил рьяности. Животные знали, что им следовало торопиться, чтобы успеть съесть как можно больше.

* * *

– Он был пьян, когда вы разговаривали?

– Нет, – ответил один из мужчин, худой и лысеющий. – Он казался отстранённым от реальности.

Полицейский занёс это в блокнот.

– Его знатно мучало похмелье, – сказал второй мужчина, более разговорчивый. Он вытер пот со лба платком.

– Что-нибудь в его поведении показалось вам странным?

– Мягко сказано! Парень выглядел так, словно за ним гнался дьявол. Я рад, что он не стал задерживаться: был каким-то полумёртвым уже; одет, словно зима на дворе, хотя солнце вчера так же шпарило, как сегодня.

Полицейский записал показания в блокнот. Он попрощался и вышел из бара, куда, как он только что доказал, заглядывал его мертвец. На этом всё обрывалось. Никаких связей и уж тем более последовательности. Никаких возможных причин, зачем он здесь был.

Полицейский спасся от уличной духоты в машине. Он завёл двигатель и на полную выкрутил кондиционер. Последние сутки жара плавил город, будто под землёй проснулся вулкан.

Дело о самоубийстве придётся закрыть. Оно было странным и раздражало его. Полицейский даже не узнал, кто умер. Личность мужчины не удалось установить ни по отпечаткам пальцев, ни по опросам соседей и свидетелей. Документов тоже не было. Человека словно не существовало.

Когда полиция нашла его квартиру, внутри царил погром: пол застлан побитым стеклом от лампочек, пятнами крови и вина. Видимо, человек ходил босиком по осколкам.

Полицейский вздохнул и отключил кондиционер, пока не стало слишком холодно. Он смотрел фотографии с места преступления. К приезду патрульной машины, тело успели обглодать бродячие коты. Полицейский впервые с таким столкнулся и уже тогда забеспокоился.

Следом шли фото записей, найденных на крыше. Несколько страниц порваны из-за влаги, чернила смылись, но часть удалось прочесть. Они давали основание полагать, что их мертвец был сумасшедшим. По крайней мере, курьер ему точно привиделся – в квартире не нашли других отпечатков.

А вот картина действительно стояла целая и была закончена. Самая жуткая вещь, что полицейскому приходилось видеть в жизни.

Оставалось закрыть дело и перейти к следующему. Если человек с именем Мор действительно видел всё, что описал в тетради, то теперь он получил долгожданное облегчение.

Полицейский поёжился. За открытым окном жара становилась всё невыносимее, а кондиционер в машине давно перестал работать, но холод не уходил из салона. Наоборот, температура упала. Полицейский завёл двигатель и выкрутил руль, выезжая с парковочного места. Солнце ударило в глаза, он сощурился и в тот же момент посмотрел в зеркало заднего вида. Тут же полицейский ударил по педали тормоза.

Он обернулся по воле инстинкта. Его тело понимало, что нужно сделать. Чтобы сердце не остановилось, мозгу требовалось доказать, что глазам всё привиделось. Полицейский посмотрел назад и увидел только пустое сидение. Затем он выбрался из машины.

Внимательный осмотр показал, что внутри салона никого не было. Полицейский тяжело дышал и не решался снова лезть внутрь.

Минуту назад в зеркале заднего вида он увидел человека с бледной кожей, труп которого недавно осматривал и чью историю пытался узнать. Человек словно пришёл напоследок сказать, что эта история уже записана им на мокрых страницах, оставленных на крыше дома. И что каждое слово в них было правдой.

Не в силах пошевелиться

Во сне она падала. Ужасное чувство, когда землю выбивает из-под ног и внутренности перемешиваются с костями. Кожа наэлектризовывается, словно летишь через верхние слои атмосферы, где воздух разрежен настолько, что невозможно дышать.

Но сделать вдох всё равно бы не получилось. Она падала так быстро, что язык прилип к нёбу и загородил дыхательные пути. Если открыть глаза на такой скорости, они, наверное, провалятся внутрь черепа или растекутся, не выдержав давления.

Сон всё не заканчивался, но уже хотелось проснуться.

У других людей падение во сне обычно замедленно, и момент невесомости сладко тянется, словно мёд. Родители говорили ей, что в такие моменты тело растёт, а сны – всего лишь реакция мозга.

Чушь.

Во время своих падений она ускорялась до предела и превращалась в огненный шар. Она разгонялась до скорости света, прорываясь через границу времени, чтобы очутиться в будущем и найти собственные дрейфующие останки.

Если следовать законам физики, тело с ускорением набирает массу. Её же тело свою массу теряло. Рассыпалось, растворялось, расщеплялось.

Во сне она смотрела на это самоуничтожение широко раскрытыми глазами.

Во сне её готовилась схватить длинная чёрная рука. На этом сон обрывался. Перед пробуждением в сознании сгустилась тьма. Она резко распахнула глаза, и тьма слегка прояснилась. Безлунная ночь стянула краски с комнаты. Здесь она жила, её дом был на предпоследнем этаже высотки, и свет низких фонарей не дотягивался до окон.

Сердце бешено колотилось, а в горле пересохло от частого дыхания. Органы больше не исполняли канкан, хотя всё в ней сейчас будто вывернулось наизнанку. Двинешься – и развалишься на части.

Досадно, что теперь она не выспится, а учителя в школе будут отчитывать её за сонливость, как обычно. С момента пробуждения прошло несколько растерянных секунд, пока беспорядочные мысли размещались по местам в голове.

Как любому нормальному человеку ей следовало стряхнуть последние покровы сна и вернуться в реальность. По крайней мере, ей полагалось *чувствовать* своё тело. *Быть в себе*. Вместо этого она словно ушла на задворки сознания. Она рассматривала свою комнату с разбросанной там одеждой и мягкими игрушками, будто с заднего ряда кинотеатра. Даже ещё дальше – из помещения, откуда бьёт сквозь кинозал луч проектора.

Там она и сидела: в тесноте катушек с плёнками, где были записаны её мысли. Вдруг проектор запустился и защёлкал механизмами, прокручивая километры лавсановых полос с не виданными ранее кадрами. Кино началось. Ей стало не по себе. Ощущалось присутствие невидимого зрителя, наблюдающего за ней.

К чёрту это, подумала она. Такое продолжение сна ей не нравится.

Попробовав встать, она поняла, что не может пошевелиться. Лежит на спине, и тело точно парализовано. Волосы рассыпались на подушке, одна рука лежала на животе, другая вытянулась вдоль туловища, согнутые колени отвернулись к стене, где из-за края кровати выглядывал осьминог. Это был её рисунок. Щупальца чудовища тянулись к ней, то есть, они действительно медленно двигались к ней!

Она знала, что всё это её воображение. Плоский, сотворённый из красок осьминог не оживёт. Но...

Щупальца застыли перед атакой. Будь под ними нарисованы волны, они бы пенились и разбивались о фиолетовую кожу. Не могли же мифы о свирепости этих восьмиконечных монстров с тремя сердцами появиться без основания?

Что за безумие?!

Она снова попыталась встать, но удалось лишь немного пошевелить шеей. Ей хотелось сбежать из комнаты. Напиться воды, высунуться в окно и подставить голову ветру, а затем тихо и быстро, чтобы не узнали родители, выкурить сигарету или две.

Сразу же после этой мысли она уловила желание, которое чуть не приняла за своё. Кто-то хотел, чтобы она осталась в комнате.

Гротескность происходящего могло объяснить только одно: всё это было сном. Да, конечно, она ещё спала. И не просыпалась с тех пор, как падала со сверхсветовой скоростью. Подсознание учудило над ней розыгрыш.

«Это всего лишь сонный паралич, – подумала она, – я сталкивалась с этим и раньше».

Спящее тело не отзывалось на мысленные команды. Своеобразный бунт в организме, который нельзя подавить. В такие моменты запутавшийся мозг проецирует фантазии из сна на реальность, украшая мир иллюзиями: воображаемые запахи ударяют в нос, кожа чувствует всю нежность и боль сна. Подобное звучит соблазнительно, если во сне, например, занимаешься сексом.

Она видела своё отражение в потолочном бра, и никто не занимался с ней сексом. Она лежала одна на белых простынях.

Послышался стук. Ей удалось повернуть голову к окну и разглядеть ворона. Тот настойчиво стучал клювом по стеклу. Ворон заметил, что на него смотрят, и замер. Он склонился, изучая её чёрным глазом, и недовольно закаркал.

Звук царапал слух и разносился гулким эхом, словно в склепе.

Она не понимала, сон это или ворон настоящий, пока птица не влетела в распахнувшееся окно. Но она всегда запирала окно на ночь, даже в жару.

Зато теперь ясно, что всё это не настоящее.

Сон оказался настолько реальным, что она почувствовала ворвавшийся в комнату холодный ветер. Шторы всколыхнулись, и край прозрачной тюли упал на волосы.

Ворон оглушительно закаркал, вздымая эбонитовые крылья и кружа по комнате. Пернатый посланец словно разрушил барьер, преграждающий вход в её комнату непрошеным ночным гостям. Теперь к ней мог заглянуть кто угодно.

Вслед за вороном выросла луна. Перья птицы окрасились серебром, а глаза сверкнули призрачным блеском. Бледное светило стало раскачиваться на небе, как маятник, и в комнате задвигались тени. Они незаметно соскальзывали со своих мест и подкрадывались к ней, ползли и сливались воедино, проглатывая комнату, как океан берег во время прилива. Тени от ножек стульев, переплетов книг, фарфоровых кукол, полотен картин – всего, что захватил лунный свет, – тянулись к ней. Щупальца осьминога продолжали тянуться к ней. Это тёмное ополчение привело её в ужас. Чем больше она паниковала, тем более изощрённые образы вытаскивал из подсознания мозг, и сегодня он был в ударе.

За рёвом ветра донеслись чьи-то шаги, и она взмолилась, чтобы это оказалась мама. Сейчас дверь откроется, впуская свет из соседней комнаты, и сон развеется. Или, может быть, утро уже наступило, и вот-вот спасительные лучи солнца её разбудят. Пожалуйста, что угодно, лишь бы её вызволили из собственного тела.

Неужели так чувствуют себя больные в коме, подключённые к системам жизнеобеспечения?

Ветер тоже поддался одержимости. Сквозь окно в комнату врвался настоящий шторм, вырывающий с корнями цветы на подоконнике. Всё новые и новые порывы оглушительно хлопали в ушах, надрывая барабанные перепонки. Поднялся невидимый смерч, разрушающий

мир. Он сорвал с неё одеяло и вцепился ледяными объятиями. Это было всё равно, как если бы с неё сорвали кожу. Беззащитной перед стихией, ей оставалось лежать обездвиженной, пытаться проснуться и ждать маму. Медленные шаги подступали к двери, отдаваясь в голове накачивающей океанской волной.

После такого понадобится выкурить целую пачку сигарет, пусть только никотин протолкнёт дальше по венам её застывшую от ужаса кровь.

Она боролась, мучилась, но не просыпалась. Мысленные усилия не помогали. Из грудной клетки вырывалось сердце, мозг пульсировал и точно вздулся, больше не влезая в черепную коробку. Становилось всё хуже. Её душевное состояние крошилось, превращаясь в руины.

И тогда к ней пришли. Шаги оборвались. Дверь не шелохнулась, но в комнату всё равно вошли. Это была не мама.

Он сел на стул возле кровати. Свет луны не касался его, будто огибал, но она рассмотрела невероятно высокую, худощавую фигуру с нечеловечески длинными конечностями. У него не было лица, цвета или одежды, только сплошная, но осязаемая тень. Фигура почти касалась сгорбленной спиной потолка, скрестив руки на острых коленях. Пальцы, как веревки, свисали с ладоней. Она заглянула в потолочную бра и увидела себя в море тьмы. Появление Чёрного Человека вычеркнуло из метафизической реальности всё, что она знала.

Она никогда не видела его раньше, но знала имя, словно оно всегда было спрятано в далёком страшном сне. Вытянутая голова на тонкой шее повернулась. Чёрная, затмевающая любую другую тьму пустота вместо лица уставилась на неё.

– Что у тебя в левом кармане? – спросил он.

Но в её пижаме не было карманов.

Даже если бы она могла сейчас говорить, то не выдавила бы ни слова из-за сковавшего горло страха. Голос Чёрного Человека принадлежал другому миру. Он впитал в себя скрипучие шаги в заброшенном доме, куда полезла компания мальчишек, страх одинокого ночного прохожего перед незнакомцем, руки которого спрятаны в карманах, смятение пешехода от гаснущего фонаря, за которым продолжалась тёмная дорога; голос отражал образы из книг и фильмов, которые засели в подсознании и с годами выросли в фобии. Голос проникал под кожу, тёк по венам вместе с кровью и вытряхивал из самой сути человека всю храбрость, оставляя внутри только податливое чувство страха, из которого и лепятся кошмары наяву и во сне.

Её левая рука вдруг ожила и потянулась к бедру.

«Проснись. Проснись скорее», – твердила она себе.

Пальцы забрались в карман. Разрез в ткани показался таким естественным, будто всегда там был. Рука по запястье увязла в несуществующем мешочке, где ничего не могло храниться.

– Что у тебя в левом кармане? – повторил Чёрный Человек.

Она сжала что-то. Маленький шарик размером с крупную жемчужину. Она тут же поняла, что ни в коем случае не должна это отдавать.

Она держала самую важную часть себя. Возможно, ту самую, без которой человек становится серым, как туман во время дождя. Потеряв эту часть, он остаётся существовать только как тень себя.

– Дай мне это.

Проснись, проснись. ПРОСНИСЬ!

Почему он пришёл именно за ней? Из её жизни нечего забирать.

Она до дрожи сжала ладонь в кармане, но непослушная рука всё равно норовила выскользнуть наружу. Чёрный Человек встал, раздвигая границы комнаты, унося стены и мебель во мрак космоса. Пространство рухнуло. Дикое карканье ворона превратилось в песню смерти, ревущий ветер стал музыкой, а тени неистово заплясали. Ансамбль безумия исполнял апокалиптическую оперу, которая сопровождала её в другой мир. А проводник – это Чёрный Человек, желающий взять причитающуюся ему награду. Он был Хароном на реке Стикс, Ану-

бисом в залах Дуата, Папой Легба из призрачной Гвинеи. Чёрный Человек был всем, и теперь она знала о нём всё, хотя раньше не знала ничего.

Она хотела закричать. Или умереть, чтобы с воплем или последним издыханием выпустить из тела часть страха, пока её не разорвало. Но паралич продолжался.

ВСТАВАЙ, ОЧНИСЬ! ВЗМОЛИСЬ ЛЮБЫМ БОГАМ, НО ТОЛЬКО ПРОСНИСЬ.

– Дай мне это!

Голова была готова взорваться от этого требовательного астрального голоса. Чёрный Человек ещё более возвысился, обхватил кровать руками в перчатках из тьмы и поднял. Она снова падала, только на этот раз вверх, и чувствовала, как парит. А сжатая в кулак рука по-прежнему протягивала круглый шарик. Протягивала её душу.

Ей следовало внимательнее следить за своими вещами.

Но она не виновата!

Может быть, но теперь её вещички полетят прямым рейсом в аэропорт ада.

ПРОСНИСЬ!!!

Она чувствовала, как слетает с катушек, по-другому не назовёшь.

Чёрный человек склонил к ней голову размером с грузовик. Тьма пропела:

– **ДАЙ МНЕ ЭТО.**

Одна рука держала кровать, а другая протянулась к ней. Он хотел забрать то, что с нечеловеческим отчаянием сжимала её маленькая, тонкая рука.

Как же легко будет умереть после таких усилий.

В последний момент, прежде чем пальцы разжались, она проснулась.

Она сорвала голос с первых нот крика и со слезами на глазах вскочила с кровати и ринулась в комнату родителей. Завербованные потусторонними силами тени проводили её, а после заняли свои привычные места.

Родители убеждали её, что это был всего лишь очень страшный сон, такое случается, детка.

Со временем она заставила себя в это поверить.

С запертого окна слетели петли. Их давно было пора менять.

Чёрное вороново перо лежало на сдвинутой с положенного места кровати. Всему найдётся объяснение, если сильно этого захотеть.

На левой ладони ещё долго не заживали глубокие царапины от ногтей, которые она сама себе нанесла, но со временем и это прошло. Никаких карманов в пижаме, конечно, не было.

Но иногда в настоящих карманах пальцы нащупывали что-то, похожее на жемчужину. Девушка вздрагивала, а затем успокаивалась. Ведь главное сокровище осталось при ней, напоминая о полноте жизни.

Кости

Начался дождь, Мартин отвлёкся от работы и увидел, как последние просветы чистого неба затянулись серыми облаками. Из лесной чащи в сторону двух людей стелился туман. Мартин выругался и проклял весь свет за то, что его забросило в такую глушь.

Его брат, Якоб, упорно продолжал копать бесформенную яму.

– Хватит, – сказал Мартин, вытирая пот со лба. Пятна грязи раскрасили лицо, как камуфляж.

– Нет, брат, ещё немного, и мы найдем. Чувствую, вот-вот найдем.

Мартин со стоном выпрямил деревянную спину. Боль сводила онемевшие мышцы, пока он выбирался из ямы.

– За целый день мы ничего не нашли, кроме червей и дерьма. Заканчивай, пока я сам тебя здесь не закопал.

Мартин пнул лежавшую лопату, и та свалилась вниз. Якоб ответил прежним безучастным голосом:

– Теперь ты не сможешь меня закопать – у тебя нет лопаты.

Мартин выругался и подавился кашлем. Он отошёл к ближайшим кустам. Не было смысла спорить с братом, который понимал лишь значение пинков и затрещин. Сегодня он своё ещё получит.

С дождём пришёл холод, хотя над горизонтом ещё висело солнце. Мартин расстегнул ширинку и помочился. От струи пошёл пар.

Обдумав сложившееся положение, Мартин потащился обратно к яме. Кашель гнул его спину, горло саднило. Мартин оглядел прогалину посреди леса, где они с братом рылись целый день. Вывернутая наизнанку земля размякла от мелкого дождя, всё тонуло, словно в болоте. Ещё утром братья намеревались найти в этом месте клад.

Мартин отхаркнул всё, что скопилось у него в горле. До сумерек оставалось чуть больше часа. Темнота не тревожила бы Мартина, будь они в горах: там он и брат нападали на туристов и грабили их палатки, крадя попадавшиеся ценности, но в основном альпинистское снаряжение, которое потом сбывали. Не самое лёгкое и прибыльное занятие, но для них вполне надёжное. Мартин всё это придумал. А думать он умел и делал это за двоих, потому что мозгов у Якоба не было совсем.

В горах они часто работали в темноте. Она могла покалечить или убить, достаточно маленького шага не в ту сторону. Но с гор есть спуск, из них всегда можно выбраться, а лесные дебри – это лабиринт, который хоронит людей заживо. Мартину не хотелось плутать по местным лесам даже днём и с картой.

Сейчас его планом было поскорее добраться до оставленной машины и вернуться в город – туда, где есть свет.

– Якоб, – прохрипел Мартин, стоя у края ямы. – Мы уходим.

По напряжённому лицу брата стекал пот, его взгляд сосредоточился на чёрной земле.

– Я с тобой разговариваю!

– Ещё чуть-чуть, брат.

– Кончай это, здесь ничего нет. В записях была ошибка или ложь.

Якоб промолчал. Ветер усиливался, а серые облака на небе превратились в копоть. Мартин опустился на колени и схватил брата за рукав куртки.

– Я тебе руку сломаю, клянусь!

Якоб пытался отстраниться и боязливо замычал. Мартин был выше, шире и сильнее брата, поэтому собирался просто вытащить его из ямы.

– Здесь нет ничего ценного!

Голубые глаза Якоба остекленели.

– Ты не прав, – сказал он, едва пошевелив губами. – Здесь спрятано сокровище.

Он резким движением вырвался из хватки Мартина и с такой яростью заработал лопатой, что копай он у дерева, то выкорчевал бы его. Якоб сжал губы, и во вспышке молнии на мгновение его лицо стало совершенно белым и нечеловеческим.

Начался ливень, Мартину пришлось отступить под ближайшую крону дерева. Ревущий ветер сносил к нему холодные капли.

Сквозь дождевую завесу Мартин смотрел на Якоба. С тем всё было ясно: братец окончательно слетел с катушек. Этого стоило ожидать – он всю жизнь был ненормальным. Вспомнить только, как он застывал на одном месте и часами пялился на стены с облупившейся краской или на рваные обои. Он видел в их линиях узоры и лица, о которых потом всем рассказывал, и его было не остановить. Часто это выводило из себя его слушателей.

Якобу повезло, что после его рождения отец свалил и не вернулся, иначе бы Якобу доставалось от него даже больше, чем от Мартина. Единственное, чем брат заслуживал право на заботу и содержание, так это послушанием. Он был очень исполнительным и откликался на команды, как хорошо дрессированный пёс. Сегодня же в нём что-то сломалось.

Мартин опомнился и бросился спасать от дождя их вещи. Он взял оба рюкзака и переносной ящик с инструментами, затем отнёс всё в сухое место. Мартин перебирал вещи в рюкзаке Якоба и достал записную книжку в кожаном переплёте, из-за которой они здесь оказались.

Неделю назад они наткнулись на палатку туриста. Он был один и почти не сопротивлялся. Мартин избил его до потери сознания и так и оставил. Якоб помог забрать вещи.

Когда они осматривали добычу, то обратили внимание на эту книгу. Из неё братья узнали, что турист был археологом и искал древние неизученные места. Одно из них находилось неподалёку в лесах.

И Мартин поверил, что это могло оказаться правдой. Ведь разное старьё действительно лежит всюду под землей и стоит огромных денег. Как было не попытать счастья. Тем более, думал тогда он, что вылазка не отнимет много сил. Они с братом сели в машину и поехали.

Мартин замахнулся и бросил книгу в лес. Сам он без сил упал на землю и прижался спиной к дереву. Кашель не давал передышки, вдобавок у него разболелась голова. Боль распространилась на виски, переносицу, лоб, затылок, темя. Болели даже глаза. Мартин лёг на землю, накрыл руками голову и застонал.

Он не помнил точно, но был крошечный шанс, что в его рюкзаке лежали обезболивающие таблетки. Мартин дотянулся до своего рюкзака. Чтобы его открыть, пришлось бороться с заевшей молнией. Запутанным путём его рука проникла в потайной карман, в ладонь легкая рукоятка старого «кольта».

У Мартина кружилась голова, он не мог сосредоточиться, забыл то, что хотел сделать и зачем взял оружие. Он поднимался медленно, чтобы от резкого движения его не стошнило.

Пистолета словно и не было в руке, Мартин его не чувствовал. Не понимая, что будет делать, он вышел под дождь и пошёл в сторону ямы.

Якоб увяз в размокшей почве. Он сгребал её и перекидывал через край ямы. Его мышцы уже должны были лопнуть от такой тяжелой непрерывной работы. Мартин не понимал, как тщедушное тело брата до сих пор стояло на ногах.

Он подошёл к краю ямы, снова опустился на колени и схватил брата за куртку. Якоб сопротивлялся, а когда Мартин подтащил его к себе, ударил наотмашь лопатой.

Мартин разжал хватку, чтобы увернуться.

– Тебе жить надоело? – спросил он.

Якоб ответил:

– Я должен, это очень-очень важно. Я обещал.

– Кому ты обещал? Что?

– Она меня зовёт. Она хочет, чтобы я продолжал, – сказал он, и кучка влажной земли полетела Мартину под ноги.

Ветер срывал листья с деревьев, и казалось, вокруг прогалины образуется смерч. Мартин заметил, что его кожа побледнела. Несколько секунд он рассматривал свою руку, прежде чем понял, что держит Якоба под прицелом. Из памяти исчез момент, когда он поднял пистолет.

Нетвёрдая рука качалась, пальцы онемели.

– Вылезай, – сказал Мартин. Оружие было снято с предохранителя. – Твою мать, я не шучу.

С новой волной усилившейся головной боли Мартина охватило чувство правоты и уверенности в себе. Глаза вдруг заволокла пелена, он впал в смятение от переполняющих сознание мыслей. Мартин ничего не слышал за громом и ветром, но перед выстрелом до него донёсся звук глухого удара со дна ямы.

* * *

Руки Мартина повисли вдоль туловища, сам он дрожал. Пальцы выпустили пистолет, и тот с хлопаньем упал в грязь. Мартин навис над ямой, а Якоб вцепился в лопату, словно она служила ему единственной опорой.

Мартин стрелял? Но в кого? Якоб забыл о последних часах жизни. Единственное, что связывало его с тем временем, это головная боль, которая до сих пор его мучила, но сейчас ослабла.

– Брат, что с тобой? – спросил Якоб.

Его голос будто пробудил Мартина, тот огляделся и втянул носом холодный воздух, не обращая внимания на дождь. Он забыл о выроненном пистолете и спрыгнул в яму. Якобу показалось, что земля под ними прогнулась.

Мартин быстро двигался. Он выхватил лопату из трясущихся рук Якоба и соскрёб немного земли. Под их ногами появилась деревянная доска, на которой барахтались потревоженные черви. Мартин продолжил расчищать место.

– Принеси лом, – сказал он.

– Мне холодно, – отозвался Якоб болезненным голосом.

– Пошевеливайся!

Якоб понимал, что брат сердится. Даже хуже – он зол. Они не были хорошими братьями, но Якоб никогда не ощущал от Мартина настоящей угрозы. Сейчас он испугался.

В голове всё смешалось больше обычного. Последние несколько часов казались сном, из которого не удавалось вырваться. Якоб с трудом вылез из ямы, прикрыл голову руками и поплёлся в сторону деревьев. Он рухнул под крышу листьев, совершенно разбитый. От холода хотелось зарыться в землю, лишь бы согреться. Все тело болело, хотелось из него вырваться.

Что произошло? Якоб не понимал, он хотел остаться под деревом и отдыхать. Его заставил подняться только страх, что он не выполнит поручение, отчего брат сильнее разозлится. Возможно, ударит его. В детстве Якоба часто били сверстники, но Мартин всегда его выручал и колотил других в ответ.

Якоб встал и пошёл искать их вещи. Он, видимо, забыл, где они лежат, и плутал в тумане между деревьями. Когда он нашел вещи, то достал из ящика с инструментами лом и побежал к брату.

К тому времени Мартин почти откопал клад, который они искали. Это был длинный прямоугольный ящик. Якоб уже протягивал брату лом, но в последний момент отдернул руку, как если бы перед ним выпрыгнула акула.

– Ты что творишь? – спросил Мартин с гневом и удивлением.

– Брат, присмотрись, – Якоб застыл, его губы задрожали, – под тобой гроб. Мы раскопали чью-то могилу.

Мартин опустил голову, несколько секунд он словно обдумывал сказанное, а затем рассмеялся. Он подошел к краю ямы, но остался внизу. Якоб отступил, хотя Мартин не мог до него дотянуться. Кроме головы, тело брата скрывала земля.

– Ты забавный, братец, – сказал Мартин с улыбкой, которая выглядела фальшивой. – Надо радоваться, с этой находкой наша жизнь изменится.

Мартин протянул руку.

– Просто отдай мне лом, и я обо всём позабочусь.

Брат плохо скрывал своё нетерпение, он вообще не походил сам на себя. Мартин всегда действовал прямо, без уловок.

Тут Якобу пришла мысль, что перед ним другой человек. Но разве мог кто-то подменить брата? Якоб пытался понять, что происходит и как поступить, выудить из головы верную мысль. И хотя сейчас преимущество было на стороне Якоба, он понимал, что брат всё равно заберёт у него лом.

Якоб собрал остатки сил, чтобы дать отпор, приготовился бежать или отбиваться, сделать хоть что-нибудь и... не смог. Воздух точно потяжелел и спёрся, лёгкие забились ароматом плесени. Якоба замутило.

Нельзя открывать гроб, нельзя тревожить мёртвых. Почему брат хочет сделать всё наоборот? Якобу хотелось быть как можно дальше отсюда. Быть в их старом доме, вместе с матерью, которая всегда нальёт стакан молока.

Мартин следил за ним, дождь размыл очертания его лица. Видно, что брат сдерживал напряжение и хотел только получить ключ от гроба, на котором стоял. И если Якоб его ослушается, то произойдёт нечто нехорошее.

Якоб подошёл к краю ямы и протянул лом, Мартин тут же его выхватил. Рука Якоба безвольно обвисла, как парализованная, а брат уже пытался пристроить лом между досками. Щели оказались настолько плотными, словно их не было, а гроб являлся цельным куском древесины.

Якоб побежал прочь от этого места с тяжелым воздухом. Он вернулся к оставленным рюкзакам. Прислонившись к дереву, он сполз к земле. Ему требовалось чуточку отдохнуть, иначе он развалится.

Якоб закинул назад голову и увидел над собой прячущуюся в ветвях птицу. Якоб расплылся в улыбке, выставив ей напоказ зубы. Он стал нащёптывать: «Чик-чирик, чик-чирик». Птица не соглашалась. Чик-чирик.

Он пожалел, что родился без крыльев, хотя в детстве мама рассказывала, что на небесах у него вырастут большие белые крылья. Ему хотелось улететь прямо сейчас, но, как он ни старался, крылья не отрасли. Поэтому он решил отпустить хотя бы разум и уснул.

Когда его разбудил ликующий голос брата, солнце уже скрылось.

– Якоб! Иди сюда, почти получилось! Я хочу, чтобы мы сделали это вместе.

Якобу казалось, что его одежда и кожа покрылись инеем. Чувства притупились, а телом он управлял будто издалека. Якоб глубоко вдохнул, пытаясь по запахам понять, жив ли он. В носу перемешались ароматы грибов, сырой почвы и древесины, все такие чистые и сильные, что голова закружилась. Он заставил тело подняться и направился в нужную сторону.

Якоб подошёл к краю ямы.

– Наконец-то, – тёмный силуэт Мартина обернулся к нему. – Ты уснул что ли? Спускайся и помоги мне.

Мартин стоял на коленях и нажимал на лом, всунутый под крышку гроба. Щель становилась всё шире. Якоб поскользнулся во время спуска и свалился на Мартина.

– Аккуратнее, идиот! Хватайся со мной и дави изо всех сил.

Якоб послушался, и они оба навалились на лом. Дерево сопротивлялось. Оно не желало гнуться, не соглашалось с тем, что должно треснуть. Мартин прикладывал все силы, черпал их из неведомых запасов, которые у обычного человека уже давно бы иссякли. Он стиснул зубы, издавая хриплое рычание.

Дерево не выдержало и поддалось. Когда это случилось, Якоб рухнул без сил и заплакал, будто своими руками убил что-то живое.

* * *

Мартин вскрикнул, схватившись за голову. Головная боль чуть не разорвала его, прежде чем отступила. Ему показалось, что из уха течёт кровь. Плеча что-то коснулось. Мартин вздрогнул и отстранился, наткнувшись на грунтовую стену ямы. Над ним склонился Якоб и положил руку ему на плечо.

Мартин обрадовался, что брат рядом. Последнее, что он помнил, это как наставил на него пистолет, а дальше всё было смутным и чёрным.

– Почему мы до сих пор в этой канаве? – пробормотал он. – Я помню, что ты вёл себя, как чёртов зомби.

– Ты тоже, брат.

Рядом что-то заскреблось, глухой звук доносился из ящика, который они откопали и на котором сейчас лежали.

Братья замерли, открытые дождю. Якоб заскулил и прижался к Мартину, накрыв голову руками. Он что-то нашёптывал, вернее, щебетал. Чик... чирик.

Мартин не отрывал взгляда от дряхлого ящика и прислушивался. Что это шумело? Это могло быть какое-нибудь животное. Возможно, крот, у них есть когти.

– Якоб, чёрт, приди в себя. Испугался жучков-червячков. Вставай.

Под досками снова что-то заскреблось, намного дольше и с удвоенной силой. Что-то царапало себе путь наружу. Раздался неровный, корёжащий звук, словно ручная пила резала по дереву.

В сгущающейся ночи Мартин успел увидеть, как к его ногам прикатился огромный, длинной в человеческую ладонь гвоздь.

Мартин задохнулся, он искал выход, но с четырёх сторон на него давили грунтовые стены. Они казались слишком высокими и неприступными, как у крепости. Мир сжался до кусочка чёрного неба над их головами. Этим видом всё и заканчивается, когда тебя кладут в могилу.

Раздался треск, словно от разбитого костяного алтаря. Кости перемешались, но будто сами собой начали складываться обратно. У Мартина чуть не вырвалось сердце, пока он не понял, что это от холода стучат зубы Якоба. Его младший брат тихо стонал, и Мартину нужно было что-то придумать, чтобы вытащить их отсюда.

Первое, что Мартин сделал, – решился наклониться вперёд и поднять гвоздь. Он был кованый, без резьбы и примитивный. Железо покрылось многолетним слоем ржавчины. Может, это сокровище и было здесь зарыто? Древние гвозди и прочие инструменты. Возможно, этот гвоздь был зарыт в земле или вырвался прямо из гроба, который они взломали.

Снова заработала ручная пила, опять раздался деревянный скрежет, похожий на разламывание костей. На глазах Мартина новый гвоздь протиснулся из гроба наружу, будто его выдрала невидимая и очень сильная рука.

«Этого не может быть, – твердил про себя Мартин. – Это сейчас не происходит. Этого просто не может быть».

В воспоминаниях всплыло, как он мальчишкой шатался по стройкам в поисках работы, и везде, где он был, складывалась непрерывная чудная мелодия из ударов молотков, шуршания пил и катящихся по фанере гвоздей.

Мартин и Якоб хором издали вопль, когда их подняло в воздух. Крышка ящика приоткрылась, хотя братья сидели на ней. Она отодвинулась в сторону и снова упала. Мартин увидел, что находилось внутри. Увидел истлевшую ветошь неясного цвета, открывшуюся дождю. Ткань лохмотьев сморщилась и зачерствела, как хлеб. Они напоминали ночную рубашку и облегли чахлое тело с молочной кожей.

На теле не было никаких следов разложения, точно его положили сюда недавно. Мартин пытался вспомнить, не была ли земля уже рыхлой, когда они с братом начали копать.

Нет, не была. Тогда, может, девушку забальзамировали? На неподвижной груди лежали аккуратно скрещенные руки, прикрытые длинными прядками золотистых волос.

Гроб казался слишком тесным даже для такого маленького тельца, будто нарочно сколочен так, чтобы его сжимать. Мартин зачарованно разглядывал труп девушки, но не мог увидеть лица. Он пригляделся и понял, что её голова перевернута лицом вниз.

Мартин трясся, поднимаясь на ноги. Он не отрывал взгляд от гроба. Где-то далеко в его мыслях проносились разумные причины всему: и почему открылся гроб, и почему девушка так хорошо сохранилась, и какого чёрта её так жестоко убили, сломав шею. Но обдумать это как следует у Мартина не было времени. Он хотел оказаться с братом на асфальтированной дороге, подальше отсюда, и больше не вспоминать эту ночь.

Якоб ни на что не реагировал.

– Чик-чирик.

– Дурак, вставай!

Мартин заставил брата подняться, с трудом подсадил его и помог вскарабкаться из ямы наверх. Там Якоб опять рухнул на колени и уставил бессмысленный взгляд на Мартина.

– Чик-чирик.

Мартин полез следом, поскользнулся и свалился обратно. Гроб вздрогнул, сердце бешено заколотилось. Движения Мартина стали резкими и необдуманными. Он искал опору, упёрся руками в крышку гроба, и в этот момент на его ладонь легла белая рука. От её прикосновения волоски на коже Мартина будто заиндевели. Кровь в венах загустела, и сам он застыл, как ледяная статуя.

Девушка поднималась из мёртвых. Её волосы падали на грудь, лица так и не было видно. Мартин завопил. Он вырвался из хватки окоченевшей руки и бросился назад. Он прыгнул и полез наверх, уже перевалился за край ямы, когда услышал позади хруст. Это хрустели шейные позвонки.

Он не собирался оборачиваться.

Но безумное влечение твердило, что не стоит бояться. Призрачные слова в голове звучали неразборчиво, но так убеждённо и страстно, будто только они имели значение. Резкая боль смешала всё в голове у Мартина, и он обернулся.

Сломанная шея перестала хрустеть. Мартин уставился на молодое девичье лицо. Ему улыбались ясные голубые глаза. Девушка протянула к нему свои открытые ладони, словно предлагала за них взяться.

Мартином овладело желание прикоснуться к изящным пальцам. Было темно, но он всё равно видел их. Мысль подойти к девушке притягивала, из памяти Мартина вылетали последние минуты жизни. Он забыл, сколько уже тут стоит и смотрит на неё. Забыл, что всё ещё сжимает в кулаке гвоздь от её гроба – засов, который сам сломал.

Мартин отшатнулся, наткнулся спиной на брата и чуть не упал. Нога Мартина что-то задела. Он вспомнил о пистолете. Когда он отвёл взгляд от девушки, по нему ещё сильнее ударила головная боль, но он выдержал. Мартин зарылся в землю, как крот, ища пушку.

Семь вспышек осветили прогалину посреди туманного леса. Дальше Мартин жал на курок, извлекая холостые щелчки. Он стрелял почти в упор, не мог промахнуться, но девушка по-прежнему стояла с протянутыми к нему руками.

Она встала босой ногой на крышку гроба, сделала это легко и не глядя, глаза смотрели только на Мартина. Он против своей воли опустил пистолет. Девушка поманила его к себе пальцем, и Мартин сделал шаг, собираясь упасть в могилу. В последний момент его оттолкнули.

– Беги, – это был голос Якоба.

У Мартина слипались глаза, как после сна. Брат прыгнул вниз, девушка с золотистыми волосами мгновенно оказалась рядом и подхватила его обмякшее тело. Она заботливо поддерживала ему голову и приникла ближе, словно хотела получше рассмотреть его лицо.

Мартин увидел, как брызнула кровь. Платье девушки стало красным, она вцепилась зубами в шею Якоба и прижала его к себе, как любовника. Мартин услышал чавканье.

Его охватил первобытный ужас. То же самое чувствовали древние люди, отгоняющие тлеющим огнём монстров из темноты. Теперь Мартин понял, что чудовища до сих пор живы и по-прежнему хозяйничают во тьме. Мартин не мог помочь брату, не осмелился снова бороться.

Покойница прервала трапезу, устремив на Мартина чудовищные глаза. С двух рядов изогнутых, как у тигровой акулы зубов капала кровь. Выпирающие скулы подняли кверху уголки губ. Натянутая кожа, казалось, вот-вот порвётся.

Больше Мартин ничего не видел, в том числе путь, по которому нёсся сквозь лес. Острые ветки высекали на коже алые борозды, камни бросались ему под ноги. Мартин спотыкался и падал, но его это не останавливало. Он продолжал бежать, подгоняемый безумием. Он не думал о том, как спастись. Двигалось его тело, а разум умер, отказавшись принять недавний ужас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.